

П.К. Дашковский, Е.А. Шершнёва

Мусульманское образование в Западной Сибири в XIX – начале XX в.*

P.K.Dashkovsky, E.A.Shershneva

Muslim Education in the West Siberia in the XIXth – the Beginning of XXth Centuries

Исследована система формирования мусульманского образования на территории Западной Сибири, имевшая ряд специфических черт, обусловленных особенностями государственно-церковной политики в отношении мусульманского населения. Правительство Российской империи стремилось к ликвидации национального образования с помощью внедрения так называемых русско-иностранческих школ, основной целью которых было распространение русского языка для дальнейшей русификации иностранческого населения. Однако в целом политика государства в этом отношении оказалась безуспешной, а мусульманские образовательные учреждения, несмотря на различные трудности, смогли сохранить свои устойчивые позиции в обучении детей, исповедующих ислам.

Ключевые слова: мусульманская община, Западная Сибирь, образование, муэдзин, медресе, мектебе.

С момента присоединения Западно-Сибирского региона к Российскому государству начинается активное взаимодействие русских с мусульманским населением, проживающим на данной территории. Основной целью правительства было укрепление своих границ при помощи упрочения позиций русского населения среди местных жителей. Средством сближения магометанского и славянского компонентов, а затем и полного исчезновения первого государственная власть видела в сфере образования. Именно школа в XIX в. становится объектом разногласий между правительством и прогрессивными слоями мусульманского общества. Идея подготовки национальной интеллигенции шла в разрез с политикой государства, которое видело в школе орудие политико-идеологического воздействия [1, с. 218].

Мусульманские общины всегда большое внимание уделяли образованию. Кроме того, наблюдается стремление самого населения к грамоте, особенно

System of Muslim education formed in the territory of West Siberia, as a frontier region of Russia, had a number of specific features caused by peculiarities of state and church policy towards Muslim population. Government of the Russian Empire aspired to eliminate national education with the help of applying Russian–non-Russian schools. The basic aim of these schools was the introduction of Russian language for further russification of non-Russian population. On the whole, the state policy in this sphere was not successful and Muslim educational establishments reserved their positions in training Islam children in spite of various difficulties.

Key words: Muslim community, West Siberia, education, muadzin, medrese, mektebe.

среди татарского народа. Система татарского образования включала два вида учебных заведений: медресе и мектебе [2, с. 73]. Вплоть до 80-х гг. XIX в. все мусульманские учебные заведения в Российской империи существовали под названием «медресе». Из данных Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества известно, что мальчики изначально обучались у грамотных татар, сосланных в Сибирь на поселение. С момента построения мечети обучением начали заниматься муллы и муэдзины. Данное образование получалось бесплатно и напрямую зависело от добросовестности общинников. Процент грамотности среди мусульманского населения в XIX в. был значительно выше, чем в русском обществе. В деревнях Западной Сибири при мечетях открывались мектебе, которые соответствовали русской церковной школе грамоты [3, л. 6–7]. Медресе имели более сложную программу обучения по сравнению с мектебе и считались учебными заведе-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект №10-01-00535 а/Г, «Влияние мировых конфессий и новых религиозных движений на традиционную культуру народов Российского и Монгольского Алтая») и ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект 2009-1.1-301-072-016, тема «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности»).

ниями среднего и высшего уровня. Процесс обучения в медресе был достаточно длительным и зачастую достигал 15 лет. Целью данного учебного заведения была подготовка квалифицированного муллы. В медресе изучали и светские науки – математику, философию, медицину, логику, историю, географию и т.д. [2, с. 74]. Правительство активно стремилось к ликвидации национального образования с помощью внедрения так называемых русско-иностранческих школ. Идея создания такого рода учебных заведений была разработана миссионером Н.И. Ильминским. Основной целью этих школ было внедрение русского языка для дальнейшей русификации иностранческого населения.

Важно отметить, что российское правительство и не скрывало своих целей в отношении мусульманского меньшинства. Так, министром народного просвещения графом Д.А. Толстым были предприняты меры в системе образования магометанского населения, целью которых было «обрусение мусульман и слияние их с русским народом» [2, с. 74]. Таким образом, на всей территории Российской империи начинают появляться русско-татарские школы, которые подчинялись Министерству народного просвещения. Исключением не стала и Западная Сибирь, тем более, что именно этот приграничный с Центральной Азией регион всегда рассматривался как наиболее политически неблагонадежный.

В 1874 г. было принято постановление, по которому все мусульманские школы, в том числе мектебе и медресе, передавались в ведение Министерства народного просвещения. Царское правительство, ведя такую политику в сфере образования, стремилось заручиться поддержкой со стороны самого магометанского духовенства, что и было сделано достаточно успешно. Так, в своем наставлении муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания всецело поддерживает русское правительство. В этом обращении он обвиняет ахунов и мулл в незнании русской грамоты. Духовные лица, по его мнению, должны содействовать введению русской грамоты во вновь отрываемых при мечетях училищах [4, л. 5].

К тому же появляется необходимость наблюдения за татарскими школами, которая вызвана тем, что в мусульманской среде к XIX в. начинают наблюдаться антиправительственные настроения. Об этом можно судить из предписаний томского губернатора бийскому исправнику. В результате проверки проведенной Министерством народного просвещения, во многих магометанских школах была обнаружена рукописная литература на татарском языке, в которой содержалось недовольство российским правительством и его политикой в отношении магометанского населения. Кроме этого, были также обнаружены константинопольские издания, в которых проводятся мысли, прямо враждебные русскому народу и государственным началам. Данная проверка показала, что учителями в магоме-

танских школах состоят иногда лица, получившие образование за пределами России и даже не имеющие русского подданства [5, л. 69]. Безусловно, такое отношение татарского населения к имперской власти и русскому народу было обусловлено реакцией на русификаторскую политику царского правительства.

На протяжении XIX – начала XX в. императорское правительство стремилось установить контроль над национальным образованием, подчинив всю эту систему государственным интересам. В этот период было принято четыре закона о просвещении нерусских народов. На последний из этих законов – «Правила о начальных училищах для иностранцев», утвержденный 14 июня 1913 г., и опирается И.В. Нам, подчеркивая, что имперская власть строго отслеживала, какие предметы и кем преподаются, а также кто имеет право получать образование. Так, например, в русско-татарских школах «обучаться должны исключительно дети татар-магометан, а не других народностей, как башкиры, киргизы, сарты и т.п.» [2, с. 82].

Особое внимание правительство уделяло татарскому населению Сибири. Именно в нем из всей среды магометанского населения Российской империи оно видело угрозу власти. Считалось, что татары, населяющие Западную Сибирь, которая граничит с подвластной России Киргизской степью, способствовали воспитанию в киргизах религиозного фанатизма. Предотвратить это влияние было возможно только с введением русского языка в учебных заведениях. Именно инициатива преподавания русского языка и овладение им мусульманским населением стали основной проблемой, стоящей перед государством. В отчете Министра народного просвещения по осмотру Оренбургского учебного округа, предоставленного Генерал-губернатору Западной Сибири, говорится о следующих проблемах. Фанатичные ученики медресе переселяются из Западной Сибири в северную Киргизскую степь и живут там под видом кузнецов, что приводит к отатариванию киргизского населения. Кроме того, по мнению министра, употребление татарского языка и работу татарских переводчиков в Степи также можно рассматривать как административную ошибку [6]. Для того, чтобы приостановить нежелательные для правительства процессы, военный генерал-губернатор Акмолинской области в предложениях, хранившихся под грифом «секретно», писал о необходимости внедрении русского алфавита в Киргизской степи, а также об ограничении просветительской деятельности татарами среди местного населения. Генерал-губернатор видел решение вопроса во введении данной политики постепенно и осторожно, поскольку магометанское население было склонно к религиозному фанатизму [6, л. 22–22об.].

Нельзя не отметить, что реализации образовательных задач в отношении иностранческого населения должна была способствовать и деятельность Духовной

миссии Русской православной церкви. Последняя была заинтересована в создании в Киргизской степи православных школ, которые вытеснили бы постепенно мусульманские образовательные учреждения и соответственно помешали бы «омусульманиванию» степи [7, с. 263].

Изложенная образовательная политика вызывала справедливые опасения со стороны магометанского населения. Особенно настороженно оно относилось к русско-татарским школам. Здесь переплелись и боязнь крещения из-за русификаторской политики царского правительства, и агитация мулл, и вековое недоверие мусульман к русским властям как колонизаторам. Особые требования выдвигались и к учителям. Во-первых, они должны были, кроме русского языка, владеть татарским или киргизским, а также не иметь духовного звания. В наиболее жесткой форме это требование применялось к учителям магометанского закона и татарского языка [8, л. 65]. Это связано с мнением правительства о том, что в данных школах обучение часто ведется по магометанскому закону. При этом при проведении занятий основное учебное время занято молитвами на татарском языке, а не науками. Образование в таком виде никак не могло способствовать обрусению магометанского населения [9].

Важно обратить внимание на то, что данные по количеству магометанских школ, числу учеников и средствах на их содержание не всегда были доступны местному руководству. Об этом можно судить из письма, присланного на имя главного инспектора училищ Западной Сибири, высланного департаментом Министерства народного просвещения. По предоставленным сведениям в департамент народного просвещения на 1 января 1877 г. в Акмолинской области насчитывалось 17 низших магометанских учебных заведений, в Тобольской губернии – 30, в Томской – 4 и в Семипалатинской области – 11. Кроме того, имелась также одна киргизская школа в Омске, насчитывающая 25 учеников [10, л. 1–2]. Первые русско-киргизские школы, где главным условием было обучение киргизских детей русским учителем, появились в Семипалатинской области в 1867 г. В эту школу направляли по 2 ученика с волости. Однако наряду с киргизами в школу принимались и вольно-присланные ученики из русского населения. При этом единых правил в отношении объема курсов и продолжительности обучения выработано не было, что давало возможность на местах формировать учебную программу в соответствии с задачами образовательной и религиозной политики Российской империи.

В то же время проконтролировать деятельность данных школ, а также оценить, насколько составленная ими программа соответствует интересам государства, не представлялось возможным. Связанно

это было с удаленностью учебных заведений и недостаточностью средств для их проверки. В частности, надзор за Кокпектинской школой возложили на зайсанского пристава. Однако возникающие трудности не могли остановить образовательной реформы, начатой правительством. В 1870 г. появляется еще одна школа в Семипалатинске, образованная по образцу Кокпектинской школы. К 1874 г. на территории Семипалатинской области действовало 4 школы с интернатами. Обучение русскому языку и грамоте осуществлялось в местных приходских училищах Министерства народного просвещения [11]. Кроме школ, учрежденных при мечетях и находящихся вне всякого влияния правительства, создаются школы по распоряжению военного генерал-губернатора. Данные учебные заведения также не долгое время находились в юрисдикции Министерства народного образования, а управлялись приставами. Материальное оснащение подобного рода учебные заведения получали от магометанского общества [9, л. 8].

В отличие от русских школ, мектебы и медресе практически полностью содержались за счет самого мусульманского населения. Дело в том, что согласно различным правилам и инструкциям, мусульманские школы могли финансироваться лишь при условии открытия при них русских классов и подчинения их Министерству народного просвещения. Однако даже открываемые русско-татарские и русско-киргизские школы в реальности все равно содержались за счет общин либо пожертвований. Подтверждения принципа финансирования учебных заведений за счет самих обучающихся является, например, отчет на имя петропавловского полицмейстера от 1875 г., в котором указывается, что существующее в городе магометанское училище находится под наблюдением указных мулл, а содержание производится в основном от учащихся [9, л. 17].

Таким образом, мусульманское образование в Западной Сибири мало чем отличалось от конфессионального неправославного образования всей России. Существенная роль в реализации новой школьной политики отводилась самим мусульманам. Меры по реформированию системы национального образования, принимаемые правительством, вызывали лишь негативную реакцию со стороны инородческого населения. Политика государства в отношении контроля за учебными заведениями, оставалась недостаточно продуманной и последовательной, что также не способствовало созданию новой системы школьного образования для мусульманских детей. Несмотря на все усилия правительства реформирование мусульманского образования не дало ожидаемых результатов. Позиции мусульманских учебных заведений, в силу особенностей религиозного сознания, национальных традиций, оставались достаточно прочными.

Библиографический список

1. Сафиуллина Р. Система мусульманского образования у татар в поликонфессиональной среде // Татарские мусульманские приходы в Российской империи : материалы научно-практической конференции (27–28 сентября 2005 г., Казань) / отв. ред. И.К. Загидуллин. – Казань, 2006.
2. Нам И.В. Татарские школы в дореволюционном Томске // Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи (Национально-культурная панорама Томской области) / под ред. Э.Л. Львова, И.В. Нам, Н.И. Наумова. – Томск, 2000.
3. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 81. Оп. 1. Д. 43.
4. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 125. Оп. 1. Д. 607.
5. ЦХАФ АК. Ф. 181. Оп. 1. Д. 41.
6. ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 597.
7. Маняхина М.Р. Просветительская деятельность Алтайской духовной миссии // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы науч.-практ. конф. – Вып. 4 / под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. – Барнаул, 2001.
8. ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 17.
9. ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 505.
10. ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 725.
11. ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 507.